

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7142

УДК 821.161.1.09“17”

И. Н. Островских*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Российская Федерация)*

irina.ostro@yandex.ru

Евангельский текст в автобиографических произведениях Д. И. Фонвизина

Аннотация. Статья посвящена мемуарно-автобиографическим произведениям великого русского сатирика XVIII века Д. И. Фонвизина. В ней впервые рассматривается автобиографическая трилогия («Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», «Письма из Франции», «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях») как единый текст. В автобиографических произведениях сатирика евангельский текст предстает важнейшим связующим элементом, определяющим изоморфность авторской биографии художественному тексту. Впервые «автобиографическая трилогия» Д. И. Фонвизина исследуется с точки зрения реализации сюжета евангельской притчи о блудном сыне. Наложение сюжетной схемы притчи (уход из дома отца — «Послание к слугам моим...», скитания и испытания — «Письма из Франции», возвращение — «Чистосердечное признание...») выявляет трансформацию духовно-нравственных воззрений автора: от безбожия через душевные терзания и духовные искания до покаяния и обретения истинной Христовой веры. Последнее произведение Фонвизина трактуется как попытка создания идеальной автобиографии. Так, система эпиграфов, а также библейские цитаты и аллюзии соединяются в предсмертном незавершенном «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» в единый «сверхтекст» покаянной молитвы автора.

Ключевые слова: Д. И. Фонвизин, автобиография, евангельский текст, жизнетворческие стратегии, молитва, покаяние

Об авторе: *Островских Ирина Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет (ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, Российская Федерация, 656031)

Дата поступления: 24.06.2019

Дата публикации: 28.02.2020

Для цитирования: Островских И. Н. Евангельский текст в автобиографических произведениях Д. И. Фонвизина // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 73–91. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7142

Блестящий юмор и острая сатира, раскрывающие перед читателем-современником пороки общества, принесли

Д. И. Фонвизину всенародную славу и признание, однако отодвинули в тень другие грани его писательского таланта. Литературная критика XIX в. не только не обратила должного внимания на предсмертное произведение Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», «выудив оттуда биографические факты» и «проглядев несомненную связь сочинения с древнерусской литературной традицией» [Афанасьев: 517], но и довольно однобоко рассмотрела хрестоматийное «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» и «Письма из Франции». Последующие критики и исследователи¹ делали акцент на сатирическом начале (это касается «Послания к слугам...») или сосредоточивали внимание на становлении в XVIII в. эпистолярного жанра («Письма из Франции»)². Исследование же «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях» велось с опорой на «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо и оглядкой на европейские литературные традиции³.

Незавершенность «Чистосердечного признания...», последнего фонвизинского произведения, породила множество споров и гипотез со стороны литературоведов. «Признание...» состоит из вступления, книги первой, книги второй и книги третьей, где каждая символизирует определенный жизненный этап:

«Сие испытание моей совести разделю я на четыре книги. Первая содержать будет мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возраст и четвертая приближающуюся старость»⁴.

Написать о старости Д. И. Фонвизину было не суждено. Незаконченность «Чистосердечного признания...» вследствие смерти автора — объяснение очевидное, однако не дающее окончательного и исчерпывающего ответа: среди исследователей до сих пор бытует мнение о том, что Фонвизин осознанно не дописал произведение, оставив после себя некую недосказанность⁵.

Считается, что игра с читателем посредством построения жизнетворческой модели, мифа свойственна писателям преимущественно XX в. и немногим представителям XIX в. (например, романтикам). Такую поведенческую модель Е. Худенко обнаруживает в творчестве А. С. Пушкина и обозначает ее как «игровую», обращая внимание на «функцию маски (роли), исследованную на материале творческой биографии и эпистолярия

поэта» [Худенко: 69]. Однако жизнетворчество словно бы не касается писателей XVIII в. Тем не менее «игра», «маска», «карнавал», «переодевание» — элементы, без которых не мыслится эпоха Просвещения. Как известно, данная тенденция берет начало в западноевропейской традиции, в произведениях Вольтера и Руссо. Русский двор XVIII в. отличался крайней склонностью к театрализации повседневной жизни, а Д. И. Фонвизин, как прославленный литератор и секретарь Н. И. Панина, был неотъемлемой частью придворной жизни. Не стоит забывать и о том, что с ранних лет Денис Иванович Фонвизин был одержим театром. Н. Д. Кочеткова в книге «Фонвизин в Петербурге» ярко описывает это его увлечение: «Он любил театр и, несмотря на плохое зрение, без конца читал. Человек с обостренной впечатлительностью и ироническим умом, он мог плакать над страданиями персонажей и тут же издеваться: “Однако плюнем на них. . . Я сам горю желанием писать трагедию, и рукой моей погибнут по крайней мере с полдюжины героев, а если рассержусь, то и ни одного живого человека на театре не оставлю”» [Кочеткова: 25].

Не только произведения, но и некая «биографическая загадка», с которой связана личность и большая часть биографии Фонвизина, могла стать благоприятной почвой для рождения мифа о сатирике — мифа, созданного другими писателями, прежде всего Н. В. Гоголем. В биографии Д. И. Фонвизина много пробелов и пустот. Он умер в 1792 г., и полвека спустя, в 1848 г., увидела свет его первая официальная биография, написанная П. А. Вяземским еще в конце 1820–1830-х гг.⁶ Как оказалось, именно эти десятилетия, разделившие кончину Фонвизина и первую попытку обобщения его жизни и творчества, стали определяющими и позволили потомкам по-разному расценивать события жизни поэта и драматурга, описанные им в мемуарах и автобиографических произведениях. Так, например, мы с точностью можем сказать, что в период с 1777 по 1778 г. писатель путешествовал по Европе. Формальным поводом данного путешествия являлось лечение жены, но многие исследователи утверждают, что истинной причиной поездки стали тайные правительственные поручения, которые Фонвизин, как прекрасный дипломат, должен был исполнить. «Журнал», который Фонвизин вел и регулярно отсылал в Москву Петру Панину, был издан и получил название «Письма

из Франции». Именно в одном из этих писем (Письмо 7. Париж, август 1778 г.) Фонвизиним впервые упоминается «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, в которой, как подчеркивается самим драматургом, изображены блуждания «слабого» человека, проходящего через «сильнейшие злодеяния» и возвращающегося к добродетели, а главное — обнаруживающего «душу и сердце»⁷. Рассуждения писателя в «Письмах из Франции» предвосхищают его собственную будущую «исповедь».

Именно благодаря «Чистосердечному признанию...» мы можем предположить, что к концу жизни Д. И. Фонвизин попытался, умышленно или сам того не подозревая, создать собственный миф — идеальную автобиографию.

Ода «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» закрепила за Д. И. Фонвизиним репутацию талантливого литератора, едкого и острого на язык сатирика, но она же и навлекла на него обвинения в безбожии, о чем он сам напишет в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» как о «заблуждении»:

«В сие время сочинил я послание к Шумилову, в коем некоторые стихи являют тогдашнее мое заблуждение, так что от сего сочинения у многих прослыл я безбожником» (287).

В «Письмах из Франции» на смену вольтерянцу, вольнодумцу и атеисту приходит радетель за общественную справедливость и, что важнее для нас, человек, уважительно относящийся к христианскому нравственному закону. Описывая «мирские проблемы» чуждого для себя общества, Д. И. Фонвизин уже в этот период своей жизни, задолго до первого апоплексического удара, поразившего его в 1791 г., задумывался о коренных вопросах человеческого бытия и покаянии перед Всевышним.

Религиозность Фонвизина в последние годы жизни была определяющим качеством его автобиографических произведений. Само заглавие «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» возникает не столько вслед за произведением Ж.-Ж. Руссо, сколько вопреки ему: «Искренность Руссо кажется Фонвизину поверхностной, поскольку в ней отсутствует необходимый для исповедального дискурса момент таинства общения с Богом» [Растягаев, 2009]. Д. И. Фонвизин

сознательно отказался от понятия «исповедь», связывая его с сакральным, церковно-религиозным дискурсом. Для автора таинство исповеди подразумевает приход в церковь и моление, влекущее за собой открытие души Богу, тогда как рассказ о земных грехах, адресованный миру и людям, по мнению Фонвизина, связан с раскаянием, в котором христианин свидетельствует словом о признании своей греховности перед собой и перед другими людьми. Этот акт словесного покаяния и обозначен автором как «признание».

В тексте «Чистосердечного признания...» очевидно возвращение к риторике житийной традиции, что убедительно доказал А. В. Растягаев. Свидетельством тому служит многое: от тщательно выбранного заглавия до манеры изложения, языка и стиля повествования.

Д. И. Фонвизин в конце жизни сознавал свою греховность, пытаясь донести эту истину до других людей, взывая к университетским студентам: «Дети! Возьмите меня в пример: я наказан за свое вольнодумство...» (цит. по: [Рассадин, 1980: 280]).

Выстраивание сюжета о раскаявшемся грешнике, возвратившемся в объятия Бога-Отца, имеет самое непосредственное отношение к реализации мотива «блудного сына», одного из самых популярных в русской литературной традиции⁸ — от произведений XIX в. (Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого) до советской литературы («Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева, «Портрет» Л. Пантелеева, «Школа» А. П. Гайдара и пр.): «Евангельская притча о блудном сыне — один из наиболее часто воспроизводимых в русской литературе эпизодов Священного Писания, очевидно, в силу содержащейся в ней житейской мудрости, отражающей человеческий опыт взаимоотношений “отцов” и “детей” в ситуации нравственного выбора, который получил воплощение в эмпирическом плане сюжетного повествования притчи» [Габдуллина, Островских].

Схема, состоящая из трех ключевых сюжетных узлов притчи, изложенной в Евангелии от Луки (уход из родного дома; блуждание и несправедная жизнь на чужбине; покаяние и возвращение в отчий дом) применима к биографии и автобиографическим произведениям Фонвизина⁹.

1) Уход из родного дома:

— первые годы жизни в Петербурге и сближение с графом Козловским;

— создание оды «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (начало 1760-х гг.). «Послание...» было написано Фонвизиним в то время, когда он входил в кружок князя Ф. Козловского, где царил дух свободомыслия и «вольтерьянства», где, по словам позднего, прошедшего через духовный кризис писателя, «лучшее препровождение времени состояло в богохулении и кощунстве»:

«В то же самое время вступил я в тесную дружбу с одним князем, молодым писателем, и вошел в общество, о коем я доныне без ужаса вспомнить не могу» (287).

2) Блуждание на чужбине:

— второе заграничное путешествие;

— «Письма из Франции», корреспонденция к Петру Ивановичу Панину. «Письма...», написанные Д. И. Фонвизиним в период путешествия по Франции и Германии с 1777 по 1778 гг., показывают разительные изменения во взгляде Д. И. Фонвизина на проблему нравственности и веры. Сравнивая Россию и Европу, Фонвизин делает выбор в пользу отечества:

«Наилучшие законы не значат ничего, когда исчез в людских сердцах первый закон, первый между людьми союз — добрая вера. У нас ее немного, а здесь нет и головою» (165).

С путешествия по Европе в буквальном и переносном смысле начинается «путь» Д. И. Фонвизина к «доброй вере». А. Вагнер подчеркивает, что в «Письмах...» явлен образ «...не просто верующего человека, а высокодуховного человека, трепетно относящегося к законам Божьим, что потом в полной мере нашло отражение в “Чистосердечном признании...”» [Вагнер, 2015b: 41].

3) Покаяние и возвращение в отчий дом:

— предчувствие и ожидание смерти, болезнь и разорение, серьезная религиозность;

— «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», отрывок которого был напечатан в 1789 г. в «Санкт-Петербургском журнале». В «Чистосердечном признании...»

реализовалось стремление Д. И. Фонвизина соотнести светскую литературу с библейским текстом, воспринимаемым как просвещение человеческого духа через Слово, несущее в себе истину и наставление¹⁰.

Осмысление жизни и творчества писателя сквозь призму Евангелия¹¹ проявляется в использовании автором эпитафий, цитат и аллюзий на традиционные православные тексты, которыми изобилует «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Авторское переосмысление цитируемых источников подтверждает истинно христианскую мысль о том, что Бог простит и примет любого искренне кающегося.

В произведении Д. И. Фонвизина система эпитафий — это рамочный элемент композиции, образующий единый текст, где каждое предложение начинается с обращения к Господу. Эпитафии представляют собой эмоциональную доминанту текста, формируют структуру «Чистосердечного признания...». Они не только выполняют прогнозирующую функцию, но и служат для логической связи между заглавием и вступлением, между книгами, на которые разделен основной текст. Эпитафии взяты из сакральных православных источников и в несколько измененном виде являются сигналом к особому прочтению произведения. Несмотря на обилие покаянных текстов в православном дискурсе, Д. И. Фонвизин выбирает строго определенные из них. Каждый из эпитафий соотнесен с тематическими ключами, которые автор выделяет курсивом в тексте своего повествования. «Хотя источники цитат не указаны, они легко реконструируются читателем XVIII–XIX вв., поскольку представляют собой усеченные отрывки из Св. Писания, молитв и трудов известных богословов», — пишет А. В. Растягаев [Растягаев, 2009]. Всему произведению предпосылается неточная цитата из 31-го псалма: «Беззакония моя аз познах и греха моего не покрых» (Пс. 31:5)¹². В христианской церкви с древних времен 31-й псалом (как песнь о благодатном оправдании) назначен был для пения при совершении таинства крещения. Книга первая открывается эпитафией из седьмой молитвы Иоанна Златоуста: «Господи! даждь ми помысл исповедания грехов моих», для каждого часа дня и ночи назначена своя молитва, всего их 24.

Эпиграф второй книги «Господи! отврати лице Твое от грех моих» взят из 50-го псалма (Пс. 50:11). Этот псалом называют Покаянным, так как он выражает глубокое сокрушение о содеянном грехе и усердную молитву о помиловании. 50-й псалом входит в ежедневное молитвенное правило православного христианина и читается в церкви при богослужении.

И наконец, цитата из 118-го псалма открывает четвертую книгу: «Господи! всем сердцем моим испытую заповеди Твоя». Главный смысл — величие и непреходящее значение Заповедей Божиих, прославление праведности. Псалом был широко известен в силу того, что по нему учили детей читать. Самый длинный псалом, выделенный в Библии в отдельную кафизму (семнадцатую), он имеет название «Непорочны» и считается по преимуществу заупокойным. Церковный устав рассматривает его как песнь, спасающую человека в жизни и по смерти. Семнадцатая кафизма используется во всех случаях заупокойной утрени, на всех чинах погребения, кроме младенческого, и на панихиде.

Симптоматично, что все приведенные тексты имеют не только покаянный характер, но и очерчивают символический круг человеческой жизни: от крещения до поминовения. Система эпиграфов задает целостность завершенного цикла человеческой жизни в произведении, которое, казалось бы, закончено не было. На закольцованность «Признания...» указывал и А. В. Растягаев: «Несмотря на фактическую незавершенность сюжет “Чистосердечного признания...” оказывается закольцован: ветхозаветная традиция обращения к Богу, утвержденная авторством и авторитетом царя Давида, причудливым образом трансформируется в доказательство истинности христианской веры просвещенным разумом» [Растягаев, 2013: 152].

31-й крестильный и 118-й поминальный псалмы замыкают текст «Чистосердечного признания...» в раму, подготавливая и автора, и читателя к вечности. Не менее значимы в этой парадигме эпиграфы из молитвы Иоанна Златоуста и 50-го псалма: оба текста входят в ежедневное молитвенное правило, утреннее и вечернее, и представляют собой ежедневное исповедание грехов, структурируют жизнь христианина, заставляют его всегда помнить о своей греховности. Таким

образом, система эпитафий произведения выстраивается как единый молитвенный текст:

«Беззакония моя аз познах и греха моего не покрых. Господи! даждь ми помысл исповедания грехов моих. Господи! отврати лице Твое от грех моих. Господи! всем сердцем моим испытую заповеди Твоя» (курсив мой. — И. О.).

Не совсем точная цитация сакрального текста представляется нам преднамеренной. Так, при цитировании 50-го и 118-го псалмов Фонвизин предпосылает эпитафю обращение «Господи!», отсутствующее в первоисточнике, но столь характерное для молитвенного слова и истинной исповедальности: «Исповедь возможна в ситуации непосредственного обращения к Богу, в молитве о прощении, обращенной к Творцу. Автор «Чистосердечного признания...» сознательно избирает для себя путь покаяния и вследствие этого пишет не о чужих грехах, а признается исключительно в своих» [Габдуллина, Островских].

С. Рассадин в книге «Сатиры смелый властелин» пишет: «Что касается ужаса Дениса Ивановича перед юношеским грехом вольтерьянства и сомнения в вере, тут также дело ясное. Ум его, русский ум, воспитанный в религии и очень далекий от новомодного скепсиса, легко преодолел то, что для него было преждевременно и ненужно, зато остро и болезненно вспомнил обо всем этом, когда пришла пора мучительного досуга, принесенного болезнью, когда пришлось копаться в себе самом, дабы найти причины божественного гнева, в существование коего верилось и потому еще, что уж очень постоянны были удары судьбы» [Рассадин, 1985: 252].

Совершенно определенными комбинациями цитат автор подчеркивает один и тот же экзегетический мотив. Эпитаф к «Чистосердечному признанию...» Д. И. Фонвизина актуализирует древнейший мотив покаянного общения с Богом. Именно псалмы Давидовы исполнены необходимого для Фонвизина пафоса взывающего к Богу человека, находящегося в предельно бедственном состоянии. Верующий «не просто обращается к Богу, но “взывает”, “вопиет” к Нему из глубины»¹³. По мнению А. В. Растягаева, данный ветхозаветный мотив спасения в тексте «Чистосердечного признания...» имеет и буквальный смысл, и нравственный [Растягаев, 2009].

Фонвизин в «Чистосердечном признании...» попытался преодолеть мирское, секуляризованное раскаяние в неблагоприятных поступках, вернуть покаянию исходное значение — «метанойя», т. е. «перемена ума» (в дословном переводе с древнегреческого)¹⁴. Таким образом, Д. И. Фонвизин не столько продолжает традицию Ж-Ж. Руссо, сколько полемизирует с ней, возвращая понятию «покаяние» религиозный смысл, не подменяя, однако, православного таинства исповеди.

Тематические ключи эпиграфов произведения получают свое развитие в тщательно подобранных цитатах из сакральных христианских текстов. В расположении цитат также просматривается авторский замысел. Интересен тот факт, что четыре из пяти цитат помещены Фонвизиним во вступление и только пятая вписана непосредственно в повествование — мы встречаем ее в книге третьей, в которой Д. И. Фонвизин рассказывает о том, как отправился в Царское Село «упражняться в богомыслии».

Во вступлении встречаются следующие цитаты из христианских источников.

Первая цитата («чистосердечно открою тайны сердца моего и беззакония моя аз возвещу...» (274)) также взята из 31-го псалма Давида и является продолжением эпиграфа, дублируя и тем самым углубляя его значимость. Это песнь о благодатном оправдании, псалом назначен, как упоминалось выше, для пения при совершении таинства крещения.

Вторая цитата («...Господи! не уклони сердца моего в словеси лукавствия и сохрани во мне любовь к истине, юже вселил еси в душу мою» (274)) — из 140-го псалма Давида, используемого в качестве обязательного на вечерне и входящего вместе с псалмами 141, 129, 116 в группу «Господи, воззвах». В оригинале она звучит так: «Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, нещевати вины о гресех» (Пс. 140:4). По общему мнению толкователей, Давид написал его, когда скрывался от царя Саула. Псалом представляет собой молитву находящегося в опасности человека, в которой он просит, с одной стороны, о спасении от опасности, с другой — об избавлении от соблазна греха в минуту опасности. Пение вечерних стихов: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...» (псалмов 140, 141, 129 и 116) — выражает скорбь и душевные

страдания, вызванные содеянными грехами, и вместе с тем твердое упование на милосердие и человеколюбие Божие, Его всепрощение, ибо «ничто так не умоливляет Бога, как исповедание грехов»¹⁵.

Источником следующей цитаты: «...исповедуйте убо друг другу согрешения» — является Послание Иакова и в оригинале звучит так: «Признавайтесь друг перед другом в поступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5:16). В этом послании, адресованном всем первым христианам, Иаков говорит о практической святости и призывает к действующей вере, к молитве друг за друга. Проф. А. П. Лопухин так комментирует эти стихи: «Апостол дает средство против недугов духа — разнообразных греховных падений (παράπτωματα), именно разъясняет необходимость взаимной молитвы христиан друг за друга как верного и всеобщего средства духовного врачевания <...> Вопреки мнению некоторых древних и новых толкователей, здесь нет речи о таинстве покаяния или исповеди; Апостол говорит лишь о простом взаимном признании христиан пред другими верующими в своих проступках, в целях взаимного примирения, утешения, облегчения, совета, главным же образом для того, чтобы дать возможность христианам молиться о согрешившем брате»¹⁶. Четвертая цитата («...тому единому восписую благие дела мои, ему единому за них благодарю и его молю, да мя в сем благом утвердит до конца жизни» (275)) — это аллюзия к Следованной Псалтири, а именно к вечерним размышлениям перед сном, в третьем пункте которых имеется такое наставление: «Аще что благое в сей день сотворил еси, не от себе сие быти, но от Самаго Бога, вся благая нам дарующаго непщуй, тому сие восписуй, и благодари, и да тя в сем благом утвердит, и прочая совершити пособит и дарует, молися»¹⁷.

Своей, пусть и неточной, цитатой автор «Чистосердечного признания...» заявляет о готовности выполнять данное наставление, разъясняющее суть истинной молитвы. Использование цитат из считающейся «монашеской» книги Следованной Псалтири свидетельствует о серьезном знании Фонвизина богослужебных текстов, более того — о нехарактерном для представителя образованного вольнодумного сословия конца XVIII в. глубоком проникновении в дух православного подвижничества,

главным в котором является смиренное покаяние, отрицание возношения и тщеславия.

Пятая цитата из Второзакония входит в Третью книгу и передана автором дословно:

«Приехав в Царское Село, обрадовался я, нашед отведенную для меня комнату особливую, в которой ничто упражнениям моим не могло препятствовать. Первое утро открыл я Библию, и мне, как нарочно, встретилось место, которое весьма приличествовало моему намерению, а именно глава VI Второзакония:

“И да будут тебе словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь, в сердце твоём и в душе твоей; и да накажеш ими сыны твои, и да глаголеши о них седая в дому, и идый путем, и лежа, и востая” (ст. 7). Сие встретившееся мне толь кстати место из Священного писания наложило на меня долг всякую досужную минуту посвятить испытанию о вышнем существе» (292).

Точность цитаты из Второзакония определена ее акцентированной значимостью в рамках структуры фонвизинского «духовного завещания». Второзаконие — это последняя книга Пятикнижия Моисеева. В еврейских источниках она также называется «Мишне Тора» («повторный закон»), поскольку представляет собой повторение всех предыдущих книг. Цитатой из указанного сакрального текста автор автобиографии подводит итог всему своему «чистосердечному признанию».

Соединив евангельские цитаты, помещенные автором во вступление и книгу третью, в эпиграфы к произведению, мы обнаружим, что они образуют связный текст:

«Беззакония моя аз возвещу: Господи! не уклони сердца моего в словеси лукавствия и сохрани во мне любовь к истине, юже вселил еси в душу мою. Исповедуйте убо друг другу согрешения. Тому единому восписую благие дела мои, ему единому за них благодарю и его молю, да мя в сем благом утвердит до конца жизни. И да будут слова сии, которые Я заповедаю тебе сего дня, в сердце твоём и в душе твоей; и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась и вставая» (курсив мой. — И. О.).

Творя молитву, Д. И. Фонвизин совершает попытку покаяния и прикосновения к святому — в Слове. Так преодолевается дискретность изображения человеческой личности,

«молитвенное славословие ведет к оцельнению человеческой души» [Коптева: 178].

Полученный молитвенный текст функционирует в произведении как структуро- и смыслообразующая «надстройка», эксплицирующая авторскую интенцию. Воплощая в своем предсмертном произведении идеальную, в его представлении, житетворческую модель, Д. И. Фонвизин указывает на приоритет покаяния, наставления и даже предостережения перед сатирическим осмеянием нравов. Жизненный цикл «блудного сына» завершается возвращением в дом Отца.

«Христианский текст» предстает связующим элементом, определяющим изоморфность биографии фонвизинскому художественному миру. Пройдя путь, подобно «блудному сыну», от безбожия («Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке»), сквозь «духовные искания» («Письма из Франции») до обретения «истинной веры» в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях», автор совершает акт публичного покаяния. Библейские цитаты и аллюзии соединяются в предсмертном произведении Д. И. Фонвизина в единую «ткань», формируя «сверхтекст» собственной молитвы — истинно христианского текста, маркирующего переход души в инобытие.

Примечания

¹ Например, Г. П. Макогоненко, Н. Д. Кочеткова и др.

² См. об этом: [Макогоненко, 1980].

³ Ю. М. Лотман впервые высказал мысль о полемическом характере фонвизинского текста по отношению к французской исповедальной модели (см.: [Лотман:176–184]). Эта идея была поддержана А. Стричком, а также рядом современных исследователей: М. С. Уваровым, Э. Л. Афанасьевым и др. В последние годы благодаря трудам проф. А. В. Растягаева последнее произведение великого сатирика стало рассматриваться и в связи с православной и древнерусской традицией.

⁴ Фонвизин Д. И. Сочинения / сост. Н. Н. Акопова; предисл. Г. П. Макогоненко; примеч. М. В. Иванова. М.: Правда, 1981. С. 275. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

⁵ Г. П. Макогоненко высказал предположение, что Фонвизин дописал признание до конца, но намеренно оборвал полный текст, чтобы показать себя «как политического борца, отдавшего жизнь единоборству с Екатериной...» [Макогоненко, 1961: 369].

⁶ Вяземский П. А. Фон-Визин. Санкт-Петербург, 1848. Отрывки см. в кн.: [Вяземский].

- ⁷ «Книга, которую он сочинил, есть не иное что, как исповедь всех его дел и помышлений. Считая, что прежде смерти его никто читать ее не будет, изобразил он без малейшего притворства всю свою душу, как мерзка она была в некоторые моменты, как сии моменты завлекали его в сильнейшие злодеяния, как возвращался к добродетели; словом, обнаружил он сердце свое и тем хотел сделать услугу человечеству, показав ему в самой слабости, каково суть человеческое сердце» (181).
- ⁸ Говоря о данном сюжете, А. В. Чернов справедливо замечает, что «для христианского сознания он изначален и определяющ. <...> Все человечество, весь “многообразноединый” Адам — это блудный сын, отошедший после грехопадения от Отца и возвращающийся к нему через мучения, страдания, заблуждения, окунувшийся в зло мира, подпавший под его власть» [Чернов: 152].
- ⁹ О продуктивности архетипа, восходящего к притче о блудном сыне, неоднократно писала В. И. Габдуллина (см., например: [Габдуллина: 16–22] и другие труды ученого). Кроме того, к данной научной проблеме обращались и такие исследователи, как Л. А. Головина и Э. А. Рядь (см.: [Головина: 261–263], [Радь]).
- ¹⁰ Попытку проанализировать динамику нравственных исканий великого писателя «осмнадцатого столетия» предприняла А. С. Вагнер [Вагнер, 2015а: 360–363].
- ¹¹ В. Н. Захаров так очерчивал границы Евангельского текста: «“Евангельский текст” — научная метафора. Она включает в себя не только евангельские цитаты, реминисценции, мотивы, но и книги Бытия, и притчи царя Соломона, и псалтырь, и книгу Иова — словом, все то, что сопутствовало Евангелию в повседневной и праздничной церковной жизни» [Захаров: 7].
- ¹² Текст псалмов и молитв цитируется по изданию: Православный молитвослов и Псалтирь. Барнаул, 1994. 255 с.
- ¹³ О такой поведенческой модели пишут не только богословы, но и светские ученые, например, С. С. Аверинцев (см.: Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. 912 с.).
- ¹⁴ Православный толковый словарь так поясняет понятие таинства: «...древнегреческое слово покаяние — **ἡ μετάνοια** (metanoia). Если его дословно перевести на русский, оно значит “перемена ума”, “умоперемена”. Составлено оно из существительного **ὁ νοῦς** (nus) — ум, мысль, разум, и приставки **μετά**, которая и означает перемену, изменение <...> И вот греческое слово нам подсказывает, что в покаянии главное — это изменение сознания, такая “перемена ума”, которая меняет человека и уже не позволяет ему быть прежним» (Толковый словарь. Покаяние [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/tolkovyyj-slovar-pokayanie.html> (01.06.2019)).
- ¹⁵ Псалтирь с толкованиями. М.: Сподвижник, 2008. С. 632.
- ¹⁶ Лопухин А. П. Толковая Библия Ветхого и Нового Завета [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_56/5 (15.06.2019).

- ¹⁷ См. об этом подробнее: Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/dictionary/03/vsenoschnoe_bdenie-all.shtml (01.06.2019).

Список литературы

1. Афанасьев Э. Л. «Теперь представим себе государство...» (Вопросы национального самопознания в творчестве Д. И. Фонвизина) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 517–548.
2. Вагнер А. С. Нравственные искания Д. И. Фонвизина: от оды «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» к «Чистосердечному признанию в делах моих и помышлениях» // Материалы 4-й международной молодежной научной конференции «Поколение будущего»: взгляд молодых ученых (19–20 ноября, г. Курск). — Курск: Университетская книга, 2015. — С. 360–363. (а)
3. Вагнер А. С. «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина как претекст «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях» // Молодежь и XXI век. — 2015: материалы V Международной молодежной научной конференции. — Курск: Университетская книга, 2015. — Т. 2. — С. 40–43. (b)
4. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. — М.: Искусство, 1984. — 463 с.
5. Габдуллина В. И. «Блудный сын» как модель поведения: евангельский мотив в контексте биографии и творчества Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. — Серия: Гуманитарные науки (Филология). — Томск, 2005. — Вып. 6 (50). — С. 16–22.
6. Габдуллина В. И., Островских И. Н. Русская литература в контексте православной культуры. — Барнаул: ФГБОУ ВО «АлтГПУ», 2018. — 171 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/gabdullina.pdf> (20.05.2019)
7. Головина Л. А. Реализация мифологем «дом» и «странничество» в русской прозе XX в. о беспризорниках и детях-сиротах // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 4. — С. 261–263 [Электронный ресурс]. — URL: <http://psibook.com/literatura/realizatsiya-mifologem-dom-i-strannichestvo-v-russkoj-proze-xx-v-o-besprizornikah-i-detyah-sirota.html> (05.06.2019)
8. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3. — С. 5–11 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (05.06.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370
9. Коптева Э. И. Роль эпиграфов в автобиографическом повествовании Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1798 г.) // Омский научный вестник. — Омск, 2012. — Вып. № 4 (111). — С. 175–178.

10. Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1984. — 238 с.
11. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. — М.: ОГИ, 2000. — Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. — С. 139–206.
12. Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. — М.; Л.: Гослитиздат, 1961. — 443 с.
13. Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. — Л.: Наука, 1980. — С. 3–41.
14. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификация архетипического сюжета в движении эпох: монография. — М.: Флинта: Наука, 2014. — 275 с.
15. Рассадин С. Фонвизин. — М.: Искусство, 1980. — 288 с.
16. Рассадин С. Б. Сатиры смелый властелин. — М.: Книга, 1985. — 268 с.
17. Растягаев А. В. Чистосердечный Фонвизин // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 5 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/Rastiagaev/> (25.05.2019)
18. Растягаев А. В. Границы автобиографического текста Д. И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» // Язык. Слоvesность. Культура. — 2013. — № 2–3. — С. 135–155.
19. Худенко Е. А. Жизнетворческие стратегии в русской литературе XIX–XX вв.: романтизм и символизм // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2010. — № 6 (25). — Ч. 2. — С. 68–71.
20. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3. — С. 151–158 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2378> (05.06.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2378

Irina N. Ostrovskikh

*Altai State Pedagogical University
(Barnaul, Russian Federation)*

irina.ostro@yandex.ru

The Gospel Text in the Autobiographical Works of D. I. Fonvizin

Abstract. The article is devoted to the memoir-autobiographical works of the great Russian satirist of the 18th century D. I. Fonvizin. For the first time, it examines the autobiographical trilogy (“Message to My Servants Shumilov, Vanka and Petrushka”, “Letters from France”, “Sincere Confession in My Affairs and Thoughts”) as a single text. In the autobiographical works of the satirist, the Gospel text appears to be the most important connecting element determining the isomorphism of the author’s biography to the text. For the first time, D. Fonvizin’s “Autobiographical Trilogy” is investigated from the point of view

of realizing the plot of the gospel parable about the prodigal son. The superimposition of the plot scheme of the parable (the departure of their father's house — "Message to My Servants...", wanderings — "Letters from France", the return of — "A Sincere Confession...") reveals the transformation of the author's spiritual and moral views: from godlessness through torment and spiritual search to repentance and gaining true Christian faith. The last work of Fonvizin is interpreted as an attempt to create the perfect autobiography. The system of epigraphs, as well as biblical quotes and allusions, are combined in an incomplete "Sincere Confession in My Deeds and Thoughts" into a single "supertext" of the author's repentant prayer.

Key words: Fonvizin, autobiography, Gospel text, lifecreating strategies, prayer, penitence

About the author: *Ostrovskikh Irina N.* — PhD of Philology, Associate Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University (ul. Molodezhnaya 55, Barnaul, 656031, Russian Federation)

Received: June 24, 2019

Date of publication: February 28, 2020

For citation: Ostrovskikh I. N. The Gospel Text in the Autobiographical Works of D. I. Fonvizin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 73–91. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7142 (In Russ.)

References

1. Afanasyev E. L. "Now Let's Imagine the State..." (Questions of National Self-Knowledge in the Work of D. I. Fonvizin). In: *Russkaya literatura kak forma natsional'nogo samosoznaniya. XVIII vek [Russian Literature as a form of National Consciousness. The 18th Century]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 517–548. (In Russ.)
2. Vagner A. S. The Moral Quest of D. I. Fonvizin: from the Ode "A Message to my Servants Shumilov, Vanka and Petrushka" to "A Sincere Confession of my Deeds and Thoughts". In: *Materialy 4-oy mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii «Pokoleniye budushchego»: vzglyad molodykh uchenykh (19–20 noyabrya, g. Kursk) [Materials of the 4th International Youth Scientific Conference "Generation of the Future": the View of Young Scientists (19–20 November, Kursk)]*. Kursk, University Book Publ., 2015, pp. 360–363. (In Russ.) (a)
3. Vagner A. S. "Letters from France" by D. I. Fonvizin as a Pretext of "A Sincere Confession of My Deeds and Thoughts". In: *Molodezh' i XXI vek. — 2015: materialy V Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii [The Youth and the 21st Century. — 2015: Proceedings of the 5th International Youth Scientific Conference]*. Kursk, University Book Publ., 2015, vol. 2, pp. 40–43. (In Russ.) (b)
4. Vyazemskiy P. A. *Eстетика и литературная критика [Aesthetics and Literary Criticism]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 463 p. (In Russ.)
5. Gabdullina V. I. "Prodigal Son" as a Model of Behavior: a Evangelical Motif in the Context of Biography and Creative Works of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Tomskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya) [Tomsk State Pedagogical Journal. Series: Humanities*

- (*Philology*)]. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2005, vol. 6 (50), pp. 16–22. (In Russ.)
6. Gabdullina V. I., Ostrovskikh I. N. *Russkaya literatura v kontekste pravoslavnoy kul'tury* [*Russian Literature in the Context of the Orthodox Culture*]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2018. 171 p. Available at: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/gabdullina.pdf> (accessed on May 20, 2019). (In Russ.)
 7. Golovina L. A. The Implementation of Mythologems “Home” and “Wanderings” in Russian Prose of the 20th Century. About Street Children and Orphans. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skills*]. 2011, no. 4, pp. 261–263. Available at: <http://psibook.com/literatura/realizatsiya-mifologemdom-i-strannichestvo-v-russkoy-proze-xx-v-o-besprizornikah-i-detyah-sirotah.html> (accessed on June 5, 2019). (In Russ.)
 8. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, vol. 3, pp. 5–11. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on June 5, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (In Russ.)
 9. Kopteva E. I. The Role of Epigraphs in D. I. Fonvizin’s Autobiographical Narration “A Sincere Confession of My Deeds and Thoughts” (1798). In: *Omskiy nauchnyy vestnik* [*Omsk Scientific Bulletin*]. Omsk, 2012, no. 4 (111), pp. 175–178. (In Russ.)
 10. Kochetkova N. D. *Fonvizin v Peterburge* [*Fonvizin in St. Petersburg*]. Leningrad, Lenizdat, 1984. 238 p. (In Russ.)
 11. Lotman Yu. M. Rousseau and Russian Culture of the 18th — Early 19th Centuries. In: *Lotman Yu. M. Sobranie sochineniy* [*Lotman Yu. M. Collected Works*]. Moscow, Ob’edinennoe Gumanitarnoe Izdatel’stvo Publ., 2000, vol. 1: Russian Literature and Educational Culture, pp. 139–206. (In Russ.)
 12. Makogonenko G. P. *Denis Fonvizin. Tvorcheskiy put’* [*Denis Fonvizin. Creative Way*]. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1961. 443 p. (In Russ.)
 13. Makogonenko G. P. Letters of Russian Writers of the 18th Century and the Literary Process. In: *Pis'ma russkikh pisateley XVIII veka* [*Letters of Russian Writers of the 18th Century*]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 3–41. (In Russ.)
 14. Rad E. A. *Istoriya «bludnogo syna» v russkoy literature: modifikatsiya arkhetyposkogo syuzheta v dvizhenii epokh: monografiya* [*The History of the Prodigal Son in Russian Literature: Modification of an Archetypal Plot in the Course of Epochs: Monograph*]. Moscow, Flint, Nauka Publ, 2014. 275 pp. (In Russ.)
 15. Rassadin S. *Fonvizin* [*Fonvizin*]. Moscow, Iskustvo Publ., 1980. 288 p. (In Russ.)
 16. Rassadin S. B. *Satiry smelyy vlastelin* [*A Brave Lord of Satire*]. Moscow, Kniga Publ., 1985. 268 p. (In Russ.)
 17. Rastyagayev A. V. Sincere Fonvizin. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skills*], 2009, no. 5. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/Rastiagaev/> (accessed on May 25, 2019). (In Russ.)
 18. Rastyagayev A. V. The Boundaries of the Autobiographical Text of D. I. Fonvizin “A Sincere Confession of My Deeds and Thoughts”. In: *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [*Language. Literature. Culture*], 2013, no. 2–3, pp. 135–155. (In Russ.)

19. Khudenko E. A. Life-Creating Strategies in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: Romanticism and Symbolism. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [*World of Science, Culture, Education*]. Gorno-Altaysk, 2010, no. 6 (25), part 2, pp. 68–71. (In Russ.)
20. Chernov A. V. The “Prodigal Son” Archetype in Russian Literature of the 19th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, vol. 3, pp. 151–158. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2378> (accessed on June 5, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2378 (In Russ.)